

ФИЛОСОФИЯ*(специальность: 09.00.08)*

УДК 101

Е.В. Малахова*Национальный исследовательский
ядерный университет «МИФИ».**г. Москва, Россия**e.v.malahova@mail.ru***ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО – МИРАЖ ФУТУРОЛОГОВ
ИЛИ НАСТУПИВШЕЕ БУДУЩЕЕ?*****[Elena V. Malakhova Information society – a mirage of futurologists
or the becoming future?]***

It is made an attempt to understand what an information society is, how it differs from other types of society, and whether it is possible to say that the information age has already come. To do this, we examine the phenomenon of the information society in its various interpretations, conducting a comparative analysis of different theoretical concepts of it, analyzing existing economic indicators, developments in the field of management and emerging socio-cultural trends. Comparing the ideas of futurologists of the second half of the XX century with the modern development of information technologies, we also try to find out to what extent these forecasts were justified, and how much the modern society has changed as a result. Information society, or knowledge society, is explored in its close relationship with the concept of post-industrial society, where the level of technological development simultaneously opens up new horizons for humanity and raises difficult philosophical questions about the difference between artificial intelligence and human thinking and about the very essence of our personal being and consciousness.

Key words: information society, post-industrial society, information and communication technologies

Первые концепции информационного общества появились еще в 1960-е гг. XX века, и с тех пор на данную тему было написано довольно много работ, к рассмотрению некоторых из них мы обратимся. Однако, с одной стороны, далеко не все исследователи согласны, что общество, в котором мы живем, можно называть именно информационным; с другой стороны, даже те, кто признает правомерность этого термина, часто полагают его чересчур расплывчатым и нуждающимся в уточнении.

Необходимость более четкой проблематизации содержания понятия информационного общества признается многими исследователями, так как именно это первый и обязательный шаг к рассмотрению вопросов и задач, возникающих в данном типе социума. Среди последних: спецификация социальных, экономических, правовых, философских (в частности, этических) и иных проблем в соответствии с особенностями именно этого типа общества.

Цель данной статьи – попытаться понять, действительно ли мы можем говорить, что живем в информационном обществе, и если да, то что оно все-таки собой представляет. Для этого мы обратимся к нескольким основным его концепциям, часть из которых уже успели стать хрестоматийными, не потеряв своей эвристической ценности. Эти концепции помогут нам выделить те сферы и социальные институты, которые, как предполагалось, окажутся наиболее затронутыми информатизацией; затем, с опорой уже на современные данные, мы постараемся проследить, действительно ли заявленные изменения произошли, какова оказалась их динамика, и в какой мере они сумели оказать влияние на современное нам состояние социума. Дело в том, что объем информации, которую человечество сейчас способно производить и хранить, несопоставим с тем, что наличествовал даже в недавнем прошлом, и постоянно увеличивается. И эта тенденция заставляет также обращаться к вопросу не только о количественных, но и о качественных изменениях, которые способна породить в обществе эта информационная лавина.

В то время как одни теоретики считают информационное общество качественно новым этапом социального развития, другие полагают, что оно, в лучшем случае, – лишь продолжение уже существовавших тенденций.

На наш взгляд, одна из проблем (но далеко не единственная), с которой сталкиваются любые попытки прогнозирования дальнейшего будущего информационного общества – это необходимость учитывать колоссальную скорость и далеко не всегда предсказуемое направление технологического развития. Здесь можно было бы возразить, что основные векторы этого развития уже давно намечены и перечислены многими специалистами [3, с. 56-59]. Однако скорость изменений и, особенно, появление новых технологических решений далеко не всегда совпадает с высказанными прогнозами.

Если мы говорим об информационном обществе как об обществе высоких технологий, то некоторые исследователи справедливо отмечают [9, с. 11], что

здесь встает неизбежная проблема измерения: какие именно технологии и в каких пределах должны быть развиты в том или ином обществе, чтобы его можно было считать информационным.

С другой стороны, известно, что для того чтобы любая, даже самая передовая, технология получила распространение и была внедрена в производство, в социуме уже должны наличествовать для этого все необходимые условия и запросы. Иначе технологии рискуют долго оставаться незамеченными и невостребованными, и история знает немало подобных примеров. То есть, получается, информационно-коммуникационные технологии (далее – ИКТ) могут эффективно развиваться в том обществе, которое по сути уже является информационным.

Достаточно многообещающим представляется попытка определить информационное общество с экономической точки зрения – в частности, подсчитав тот вклад, который способны внести в ВВП информационные технологии, использованные в сферах производства или услуг. Одними из первых здесь были работы Ф. Махлупа и М. Пората [6, 7]. На данный момент подобная статистическая информация является доступной и активно используется исследователями как отправная точка для дальнейших выводов и прогнозов.

Мы возьмем на себя смелость привести здесь некоторые цифры, демонстрирующие уровень развития информационных технологий и связанной с ними цифровой экономики в нашей стране. Во-первых, если говорить о том, каков процент ИКТ-сектора в ВВП России, то в 2018 г. эта цифра составляла 2,6% [5, с. 93]. Численность же занятых в этом секторе равнялась 1,6% [5, с. 92] от общего числа занятых в стране на тот же период времени.

В то же время валовые внутренние затраты на развитие цифровой экономики в 2017 г. составили 3,6% ВВП и в 2018 продолжали расти [5, с. 10]. Доля домашних хозяйств, имеющих доступ к интернету, в 2018 г. составляла в России примерно 77% [5, с. 16].

Среди наших сограждан в возрасте от 15 до 74 лет – 87,3% тех, кто пользовался интернетом хотя бы раз в жизни и 68,8% делают это почти каждый день. Среди последних ожидаемо преобладают люди в возрасте от 15 до 54 лет, причем вне дома или работы в интернет выходят чаще всего с помощью смартфонов [5, с. 19-22]. Если посмотреть, что именно более всего интересует российских пользователей, то наибольшую популярность, как и в пре-

дыдущие годы, удерживают социальные сети: для участия в них заходят в интернет 78% тех, кто имеет к нему доступ [5, с. 26]. Другие виды активности: отправка электронной почты, редактирование файлов, видео-звонки, скачивание контента и прочее – намного уступают этой. Менее всего используется интернет для дистанционного обучения – эта цифра пока что составляет 3% от числа всех пользователей [5, с. 28].

Как видно из этой небольшой подборки данных, ИКТ-сектор в России развивается, хотя и не во всех сферах одинаково равномерно. Тем не менее, подобный «экономический» подход все же рассматривает только часть того, что можно было бы понимать под информационным обществом, и данные об использовании ИКТ в различных секторах экономики и в повседневной жизни населения сами по себе еще не отвечают на вопросы о том, как, с одной стороны, идет производство и внедрение новых технологий, и с другой стороны, какое влияние они оказывают на социальные институты и культурные комплексы современного общества.

Этим проблемам посвящен ряд других теорий, созданных философами, социологами и культурологами. Некоторые из таких концепций вызвали неоднозначную реакцию и зачастую даже серьезную критику вскоре после своего появления, однако по прошествии некоторого времени оказывались иногда глубокими инсайтами в наступившее информационное будущее. В ряду таких теорий, мы полагаем, стоит назвать, в первую очередь, следующие: концепцию постиндустриального общества Д. Белла, сетевых обществ М. Кастельса, постмодернистские концепции Ж.-Ф. Лиотара и Ж. Бодрийяра, также работы Ю. Хабермаса, Э. Гидденса, Э. Тоффлера, которые тоже оказали влияние на то, как трактуется сейчас понятие информационного общества.

Труды Кастельса, значительная часть из которых была написана еще в 90-е гг. XX века, оказали огромное влияние на осознание того, что же представляет собой формирующееся информационное общество. Примечательно, что сам исследователь предпочитает говорить не столько об информационном обществе (полагая этот термин малосодержательным), сколько о сетевом. Глубокое и разностороннее понимание сетей как неотъемлемой части современного информационного и, конечно, социально-экономического пространства – это огромный вклад Кастельса. Такая постановка вопроса помогает лучше проникнуть в саму систему взаимодействий, формирующую современный социум.

Кастельсу нередко приписывают взгляды, сходные с марксистскими, так как он стремится показать, каким образом оказываются связанными между собой следующие факторы: внедрение новых технологических решений, постепенная глобализация экономических процессов, трансформация сферы занятости, происходящие вслед за всем этим видоизменения социальных отношений и культуры обществ. Мы склонны во многом согласиться с подобным подходом, хотя, как и многие его критики, понимаем неизбежное тяготение к некоторой схематизации, которое несет в себе подобные «всеобъемлющие» теории.

Кастельс указывает на экономический кризис 1970-х гг. [4, с. 68] как на начало структурных изменений в экономике, а также в организационной культуре и менеджменте, что как раз и было обусловлено внедрением сетей в деятельность компаний. Крупные корпорации вынуждены были приспособиться к внедрению ИКТ в повседневную практику и возросшие вслед за этим скорости всех транзакций, что делало прежние управленческие структуры не всегда способными реагировать на мгновенные изменения. По мысли Кастельса, такое положение вещей неминуемо должно было привести к определенной децентрализации и деbüroкратизации в работе корпораций.

Менеджмент и организационная культура являются преломлением наличествующих технологических особенностей производства и логистики через призму социокультурных паттернов, присущих работникам и руководству организации. Если крупное индустриальное производство в идеале можно представить как работу сложного, хорошо отлаженного механизма, то в информационную эпоху, по мнению Кастельса, начинают преобладать сетевые взаимодействия связанных между собой относительно небольших автономных организационных единиц, будь то подразделения компании, исследовательские группы, коллективы небольших организаций или даже отдельные специалисты.

Такие изменения менеджмента и организационной культуры стали реакцией на возрастание не только скорости взаимодействий, но и неопределенности, вызванной стремительными технологическими и экономическими изменениями. Стремясь приспособиться, корпорации наращивают гибкость реагирования за счет децентрализации, уменьшения или «уплощения» вертикалей власти.

Интересные возражения приводит Кастельс и в ответ на вполне оправданные заявления, что внедрение высоких технологий, несмотря ни на что, не вызвало таких высоких темпов экономического роста, как например, исполь-

зование конвейерного производства. Все дело в том, говорит он с опорой на ряд источников, что ИКТ способствовали автоматизации уже существующих производственных, а особенно, управленческих процессов, даже тех, которые не были особенно эффективными изначально, а к изменившимся реалиям могли и вовсе не подходить [4, с. 196-197]. В то же время для наиболее эффективного использования новой технологии зачастую требуется полная модернизация производства и управленческих технологий, что, разумеется, не могло произойти в одночасье.

Еще одним из наиболее значимых авторов является Дэниел Белл, благодаря которому прочно вошло в научный дискурс понятие постиндустриального общества; при этом практически сразу оно оказалось тесно связано с концепцией информационного общества. По мнению Белла, «постиндустриальное общество основано на услугах. Поэтому оно есть игра между людьми. Главное значение имеют уже не мускульная сила и не энергия, а информация» [2, с. 171]. И это основное отличие от обществ аграрных и индустриальных.

На каждом новом этапе технологического развития человечества происходит, помимо всего прочего, изменение уровня производительности труда. Если представить данный процесс в виде несколько упрощенной схемы, то получаем следующее. Повышение производительности сельского хозяйства позволило освободить достаточно рабочих рук для индустриального производства, а постепенная механизация, а затем и автоматизация последнего – для сферы услуг.

Примечательно, что еще в начале 2000-х гг. многие исследователи, в том числе те кто активно критиковал Белла, полагали, что сфера услуг является конечной областью приложения человеческих усилий, которая недоступна дальнейшей автоматизации [9, с. 40-41]. Согласно самому Беллу, эта сфера включает в себя постоянную работу с информацией, передаваемой именно от человека к человеку.

Однако и тут время внесло некоторые коррективы, еще раз напоминая о том, насколько интересно и, одновременно, поучительно бывает изучение прошлых прогнозов будущего, которое уже стало нашим настоящим. На данный момент не только производство, но и такие сферы как медицина, юридическое и финансовое консультирование, работа сиделок, помощников по хозяйству и даже исполнение роли приятного собеседника – все это постепенно становится доступным более и более совершенным роботам.

В социальных опросах поднимаются темы того, какие именно сферы люди готовы «передать» роботам. Так, в нашей стране в 2019 г. из опрошенных в возрасте от 18 до 65 лет 66% хотели бы, чтобы робот-помощник выполнял часть домашних дел, 53% были бы не против помощи робота-консультанта в юридических вопросах и 89% согласились с тем, что роботы в целом необходимы, так как могут заменить человека на тяжелой или опасной работе [5, с. 37-38].

Более того, робототехника стремительно развивается, и то что еще относительно недавно можно было увидеть разве что в фантастических фильмах, постепенно начинает воплощаться в реальность. Так, на интернет-сайте университета Вермонта примерно в то же время, когда готовилась данная статья, был размещен материал о группе ученых, создавших первых «живых роботов» – управляемых созданий человека, которых сложно назвать и механизмами, и организмами. Материалом для них послужили живые клетки, из которых были сформированы маленькие «ксеноморфы» (так называли их сами ученые) – невиданные прежде конструкторы, несмотря на кажущуюся простоту формы способные перемещаться и вообще действовать независимо от своих создателей. Им предрекают большое будущее, в частности, в сфере медицины, и, кто знает, возможно, мы стоим на пороге нового технологического прорыва [8].

Таким образом, мы еще раз можем спросить себя: какая же сфера является конечной для приложения человеческих усилий, если сферы производства и услуг оказались все же промежуточными?

Ответов пока что достаточно: такие области, как управление и творчество (ученого и художника в равной степени) до сих пор остаются по преимуществу человеческими – в том смысле, что здесь роботы не скоро (если вообще когда-либо) смогут нас заменить. Да, звучит весьма оптимистично, особенно в свете разработки самообучающихся нейронных сетей, которые уже способны очень на многое. Однако если говорить о создании чего-либо качественно нового в любой доступной нам сфере – здесь мы сами пока еще далеки от понимания механизмов, запускающих наши инсайты, а следовательно, и от механизации (или роботизации) последних.

Кроме того, здесь невольно вспоминаются философские концепции прошлого с их разделением типов человеческих занятий в зависимости от прису-

щего им уровня значимости. Древние, вероятно, очень удивились бы самой постановке вопроса о том, чем же заняться людям, имеющим почти неограниченный доступ к информации и все меньше вынужденным обременять себя тяжелым трудом (из-за возросшей производительности последнего). Особенно показательны здесь бессмертные идеи Аристотеля о том, что есть занятия уважаемые, но полезные ради достижения какой-то внешней по отношению к ним цели; и есть наилучшие занятия, в обычном смысле бесполезные, так как избираются ради них самих [1, с. 281-286]. Другое дело, что среди последних занятий Аристотель выделял философию, которая, как известно, требует соответствующего уровня подготовки. Если же этот уровень невысок, то человек, не занятый трудом в достаточной мере, рискует обратиться не к возвышающим его творческим занятиям, а к тем, которые способны привести к деградации. И сам по себе доступ к информации здесь мало поможет, так как с ней еще надо научиться работать. Однако мы оптимистично предполагаем, что такой тренд последнего столетия, как неуклонное (хоть и не совсем равномерное) повышение уровня всеобщего образования сохранится и дальше, и данная проблема не станет критической.

Таким образом, затронутыми информатизацией оказались и экономическая сфера, и управленческая, и область социально-культурных взаимодействий (в частности, общения, обмена информацией, производства контента пользователями в огромных масштабах) и, что самое неожиданное, – даже понимание человеческого как деятельности, способностей, восприятия, мышления, наконец. Все это заставляет нас считать, что несмотря на необходимость дальнейших уточнений, мы можем с достаточной долей уверенности говорить о том, что все-таки живем в том обществе, которое стоит называть действительно информационным.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. *Аристотель*. Никомахова этика / Аристотель. Сочинения: В 4-х т. Т. 4. М.: Мысль, 1983.
2. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 2004.

3. *Иванов В.В.* От технологического развития к глобальной гуманитарно-технологической революции / Контуры цифровой реальности: Гуманитарно-технологическая революция и выбор будущего / Под ред. В.В. Иванова, Г.Г. Малинецкого, С.Н. Сиренко. М.: ЛЕНАНД, 2018.
4. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000.
5. Цифровая экономика: 2020: краткий статистический сборник / Г.И. Абдрахманова, К.О. Вишневский, Л. М. Гохберг и др. М.: НИУ ВШЭ, 2020.
6. *Machlup F.* The Production and Distribution of Knowledge in the United States. Princeton, NJ, Princeton University Press, 1962.
7. *Porat M.* The Information Economy: Definition and Measurement. National Science Foundation, Washington, D.C. 1977.
8. Team Builds the First Living Robots // [Электронный ресурс] URL: <https://www.uvm.edu/uvmnews/news/team-builds-first-living-robots>. Дата обращения: 20.01.2020.
9. *Webster F.* Theories of the Information Society. Third edition. Routledge, Taylor & Francis, Abingdon, Oxon, 2006.

R E F E R E N C E S

1. *Aristotle.* Nicomachean ethics / Aristotle. Compositions: In 4 vol. Vol. 4. Moscow, 1983.
2. *Bell D.* The coming of post-industrial society: A venture of social forecasting. Moscow: Academia, 2004.
3. *Ivanov V.V.* From technological development to the global humanitarian and technological revolution / Contours of digital reality: Humanitarian and technological revolution and the choice of the future / ed. by V. V. Ivanov, G. G. Malinetsky, S. N. Sirenko. Moscow: LENAND, 2018.
4. *Castells M.* The Information Age: Economy, Society and Culture. Moscow: Higher School of Economics, 2000.

5. Digital economy: 2020: a brief statistical collection / G.I. Abdrakhmanova, K.O. Vishnevsky, L. M. Gokhberg, etc. Moscow: Higher School of Economics, 2020.
6. *Machlup F.* The Production and Distribution of Knowledge in the United States. Princeton, NJ, Princeton University Press, 1962.
7. *Porat M.* The Information Economy: Definition and Measurement. National Science Foundation, Washington, D.C. 1977.
8. Team Builds the First Living Robots // [Electronic resource] URL: <https://www.uvm.edu/uvmnews/news/team-builds-first-living-robots>. Date of access: 20.01.2020.
9. *Webster F.* Theories of the Information Society. Third edition. Routledge, Taylor & Francis, Abingdon, Oxon, 2006.

24 января 2020 г.
